

«КРОТКАЯ» ДОСТОЕВСКОГО: РЯД ВОСПОМИНАНИЙ, ВЕДУЩИХ К ПРАВДЕ

Замысел «Кроткой» восходит к статье «Два самоубийства», опубликованной Достоевским в «Дневнике писателя» 1876 г. за месяц до появления «фантастического рассказа», в которой он сопоставляет самоубийство дочери А. И. Герцена со смертью Марьи Борисовой, молодой женщины, выбросившейся из окна верхнего этажа дома, помолившись, с иконой в руках. В этой смерти, в противоположность самоубийству дочери Герцена, Достоевский не видит вызова: «Это уж какое-то кроткое, смиренное самоубийство» (23, 146). Смерть Борисовой, по-видимому, тронула какую-то заветную струну в душе писателя. Достоевский замечает: «Об иных вещах, как они с виду ни *просты*, долго не перестаете думать, как-то мерещится, и даже точно вы в них виноваты. Эта кроткая, истребившая себя душа неволью мучает мысль» (Там же). Сам Достоевский, подобно повествователю своего рассказа, женился на девушке чуть ли не на двадцать лет моложе себя. «Разница в годах ужасная (20 и 44)...», — сознается писатель бывшей любовнице, Аполлинару Суловой (28₂, 182). Спустя шесть месяцев после свадьбы он напишет Аполлону Майкову: «(N3. Правда, Анна Григорьевна оказалась сильнее и глубже, чем я ее знал и рассчитывал, и во многих случаях была просто ангелом-хранителем моим; но в то же время много детского и двадцатилетнего, что прекрасно и естественно *необходимо*, но чему я вряд ли имею силы и способности ответить. Всё это мне мерещилось при отъезде, и хотя, повторяю, Анна Григорьевна оказалась сильнее и лучше, чем я думал, но я все-таки и до сих пор не спокоен)» (28₂, 205). Тем не менее в письмах к теще он благодарит ее «от всего сердца за такую дочь», и в перечне хороших качеств Анны Григорьевны «кротость» как будто стоит в первом ряду: «Она кротка, добра, умна...» (28₂, 203). В двух письмах к жене за этот период он, наряду с другими ласкательными словами, называет ее своим «кротким ангелом» (28₂, 184, 188).

Первый период замужества принес молодой жене немало мучений. Это связано как с патологической страстью ее мужа к азартной игре, так и с его болезненным состоянием и иррациональным поведением. Подобно Кроткой, Анна Григорьевна чувствовала себя одиноко без семьи и друзей — и даже без мужа, когда он пропадал в гомбургском Воксале. Как и в рассказе, в личной жизни Анны Григорьевны

значительную роль играл ростовщик. В уже упомянутом письме к Майкову Достоевский пишет: «Анна Григорьевна *всё* свое заложила, последние вещицы» (28₂, 208).

Достоевский надеялся улучшить свое материальное положение рулеточной игрой. У него была своя «система»: все, что необходимо, по его мнению, — это самообладание и дисциплина. У героя «Кроткой» тоже есть «система», основанная на самообладании и дисциплине. Хотя, как и система Достоевского, она имеет мнимой целью накопление денег, система ростовщика рассчитана на другое — покорение молодой жены: «Видите ли: молодежь презирает, например, деньги, — я тотчас же налег на деньги; я напер на деньги. И так налег, что она всё больше и больше начала умолкать» (24, 13). Он отпускает домохозяйке лишь рубль в день, сказав, что хочет за три года сэкономить тридцать тысяч рублей — другого выхода нет. Однако, подобно тому, как самому Достоевскому недоставало самоконтроля и он вследствие этого не всегда придерживался системы, так и ростовщик иногда нарушал свои строгие правила.¹

Достоевский глубоко переживал свое увлечение азартной игрой, принесшее столько огорчений его жене, и когда, в связи с самоубийством Борисовой, он говорит «об иных вещах» и о чувстве, что «даже точно вы в них виноваты», можно подозревать, что в рассказе, являющемся художественным воспроизведением ее участи, выражается немалая доля покаяния.² В рассказе проявляется редкое в творчестве Достоевского полное отсутствие юмора. Это исповедь безымянного Я, рассказывающего историю своих отношений с молодой женой, тоже безымянной. Анонимность как литературный прием редко бывает совсем нейтральной. Бывают имена, которые авторам удобнее замалчивать. Однако исповеди предпосылается предисловие личного свойства, «от автора», первые слова которого, если предполагать существование подтекста, являются значительными: «Я прошу извинения...» (24, 5). Рассуждая о своей теме, автор указывает на то, что герой его, анализируя недавно произошедшую трагедию, постепенно «действительно уясняет себе дело и собирает „мысли в точку“». Ряд вызванных им воспоминаний неотразимо приводит его наконец к *правде*; правда неотразимо возвышает его ум и сердце» (Там же).

Если действие памяти ведет к правде, то авторский подход к повествованию сам по себе мог бы вызвать личные воспоминания у самого Достоевского. Анна Григорьевна впервые вошла в его жизнь в роли стенографистки, записывающей с диктовки Достоевского черновик романа, чтобы дать возможность автору вовремя сдать рукопись

¹ Ср.: «...но я сам возвысил содержание на тридцать копеек. Тоже и театр. Я сказал невесте, что не будет театра, и, однако ж, положил раз в месяц театру быть, и прилично, в креслах. Ходили вместе, были три раза, смотрели „Погоню за счастьем“ и „Птицы певчие...“» (24, 15). Подобные названия, как нам кажется, не лишены иронии. До свадьбы он подарил теткам по сто рублей, и сам сделал невесте приданое (24, 13). Впоследствии он отдает младшей из теток еще сто рублей, чтобы узнать о встрече жены с Ефимовичем (24, 17) — и все это дело стоило рублей до трехсот (24, 18).

² В письме к жене от 4 апреля 1868 г. Достоевский пишет: «Прости, Аня, я тебе жизнь отравил!» — и сознается: «... но мне суждено судьбой всех тех, кого я люблю, мучить!» (28₂, 283).

Ф. Т. Стелловскому. Этот роман был «Игрок», тема которого как будто иронически предрекает роковую страсть к игре, испортившую первые месяцы супружеской жизни Достоевских и приведшую Анну Григорьевну в отчаяние. К тому же то, как Достоевский оправдывает свои художественные приемы в «Кроткой», намекает на некую автобиографичность в этом «ряде воспоминаний» — это как будто какой-то стенограф записывает рассказ прямо со слов героя, автору надлежит произвести лишь шлифовку: «Вот это предположение о записавшем всё стенографе (после которого я обделал бы записанное) и есть то, что я называю в этом рассказе фантастическим» (24, 6).

Итак, нам предлагается рассказ, которому Достоевский чувствует себя обязанным предпослать личное заявление «от автора» и в котором тема памяти и покаяния связана с «фантастическими» отношениями автора к мнимому стенографу, записывающему слова самого героя, между тем как в жизни самого Достоевского было отношение автора к настоящей стенографистке, при создании (можно даже сказать, при начале *романа*) романа, в определенном смысле приведшего молодую жену к страданиям. Хотя в «Кроткой» слышатся некие отзвуки автобиографического характера, нельзя упускать из виду, что тиранство старика над молодой женщиной проходит красной нитью через все творчество Достоевского.³

Образ героя повести был набросан Достоевским задолго до образа самой Кроткой. Его прообраз намечен в записной книжке за 1869 г. как одно из видоизменений типа «подпольного человека».⁴ На самом деле ростовщик многими чертами напоминает «подпольного человека», что неудивительно, если иметь в виду, что Достоевский считал такой образ основным типом своего творчества.⁵

³ В творчестве Достоевского от «Бедных людей» вплоть до «Братьев Карамазовых» жертвой мужских притязаний нередко становится девушка, по существу ребенок. Тема мучительных отношений полов тоже проходит красной нитью через все творчество Достоевского, причем речь идет не только о мучителях, но также о мучительницах. Отношение героя «Записок из подполья» к молодой проститутке Лизе до некоторой степени предвосхищает отношение ростовщика к Кроткой. «Записки» также представляют собой анонимную исповедь, автор которой, как и ростовщик, глубоко сознает свое унижение. Он тоже хочет спасти существо, более униженное, чем он сам, что приводит к пагубным последствиям.

⁴ Ср. заметку «После Библии зарезал»: «Тип подпольный, не перенесший ревности», и «Сам настоящий подпольный» (9, 119). В другом месте Достоевский записывает: «Скупец, мститель, ростовщик, и вдруг слухи совсем противные. В гусарах бывши, имение прокутил и проч. Слух о трусовстве» (9, 115), и «Вообще это *тип*. Главная черта — мизантроп, но с подпольем» (9, 116).

⁵ Как и «подпольный человек», герой «Кроткой» страдает от слишком уязвимой амбиции. Он человек крайностей, требующий или всего, или ничего: «О, я всегда был горд, я всегда хотел или всего, или ничего!» (24, 14). Подобные крайности обуславливают его отношение к любви: «...любить так всецело любить...» (24, 33). Его поведение обусловлено тем, что он не был «половинщик в счастье, а всего захотел, — именно потому я и вынужден был так поступить тогда» (24, 14). В «Записках из подполья» цинизм сорокалетнего человека постоянно противопоставляется идеализму юности — тому «прекрасному и высокому» его же юных лет, над которым он издевается. Почти такой же контраст наблюдается в «Кроткой». Молодой жене, несмотря на суровые условия ее воспитания, удалось получить хоть какое-то образование. Ростовщик, по-видимому, одобряет это, употребляя выражение, напоминающее слова «подпольного человека»: «...а это значило же что-нибудь в стремлении к высшему и благородному с ее стороны!» (24, 10). Тем не менее он характеризует идеализм юности не иначе как

И безымянный герой «Кроткой», и безымянный герой «Записок из подполья» относятся к другим, как к противникам на дуэли. Зато перед настоящей дуэлью оба пасуют, извиняясь почти той же отговоркой: они не трусы, а просто боятся оказаться смешными. Все-таки вопрос о трусости мучит обоих: «подпольный человек» думает, что он разрешил его тем, что не уступил дорогу своему противнику на улице; ростовщик тем, что не вздрагивает, когда жена наводит на него револьвер. Дуэль — часто встречающееся явление в русской литературе, и у Достоевского она носит психологический характер. В «Бесах», например, дуэлью подчеркивается загадочность и своеволие Ставрогина; в «Братьях Карамазовых» после дуэли резко изменяется вся жизнь Зосимы. Понятие «дуэли» лежит в основе всей структуры «Кроткой». Первоначальное унижение ростовщика вытекает из его нежелания вызвать офицера на дуэль, и впоследствии он явно смотрит на свою жизнь под углом дуэли. Даже тогда, когда он подслушивает разговор между женой и бывшим коллегой по полку Ефимовичем, он истолковывает себе их встречу не иначе как поединок: «Я слушал целый час и целый час присутствовал при поединке женщины благороднейшей и возвышенной с светской развратной, тупой тварью, с пресмыкающею душой» (24, 19).⁶ Это поединок, в котором жена оказывается победительницей. Однако, когда ростовщик врывается к ним, Ефимович предлагает ему настоящую дуэль, от которой во второй раз ростовщик уклоняется. На самом деле подлинной и длительной дуэлью для него оказывается отношение к жене. Это поединок с трагическим исходом, заключающийся ее смертью.

Символическое оружие дуэли, револьвер, играет значительную роль в рассказе. Еще офицером герой отверг путь револьвера, зато, как ростовщик, он все-таки сохраняет его как сувенир, как память о прошлом. Он объясняет этот факт необходимостью защиты от воров, но, как бы подчеркивая роль револьвера в делах чести, несет его с собой, идя на свидание жены с Ефимовичем. Еще одна своеобразная черта: он обучил жену стрелять из револьвера, как бы стремясь поставить ее на равную ногу с собой в поединочном деле. В его семейной жизни настоящая дуэль сводится к борьбе воли и выносливости обоих супругов, достигающей своей высшей точки в тот момент, когда жена наводит тот же самый револьвер на мужа, когда тот лежит в постели, притворяясь спящим: «...я знал всей силой моего существа,

«слепота куриная „прекрасных сердец“» (24, 16) и испытывает побуждение бороться с ним: «...объяснил ей тогда, в двух словах, что великодушные молодежи прелестно, но — гроша не стоит» (24, 14). Он сдерживает ее юношеский пыл: «Но я всё это упоение тут же обдал сразу холодной водой. Вот в том-то и была моя идея. На восторги я отвечал молчанием, благосклонным, конечно... но всё же она быстро увидела, что мы разница и что я — загадка» (24, 13). Как и «подпольный человек», ростовщик жаждет полного взаимного понимания — но только на своих условиях. Он слишком горд, чтобы откровенно признаться в унижениях своего прошлого. Он хочет, чтобы жена о них догадывалась и чтобы она сама дошла до понимания их. Но «система» его производит эффект, противоположный намеченной цели, и его поведение, как и поведение «подпольного человека», характеризуется внезапными переменами и поворотами.

⁶ В своих воспоминаниях Анна Григорьевна рассказывает о том, как Достоевский ревновал ее к другим мужчинам. См.: *Достоевская А. Г. Воспоминания*. М., 1971. С. 156.

что между нами в это мгновение идет борьба, страшный поединок на жизнь и смерть, поединок вот того самого вчерашнего труса, выгнанного за трусость товарищами. Я знал это, и она это знала, если только угадала правду, что я не сплю» (24, 21). Ценой такой храбрости под дулом револьвера выкупается, по его мнению, трусость прошлого: «Выдержав револьвер, я отмстил всему моему мрачному прошедшему» (24, 24).

Если револьвер эмблематически воплощает отношение ростовщика к жизни (трусость и восприятие жизни как дуэли), то эмблемой Кроткой является икона, заключающая в себе неоднозначный смысл. Икона символизирует собой не только святость и душевную чистоту, но также и семейные ценности. Это «образ Богородицы. Богородица с младенцем, домашний, семейный, старинный...».⁷ Ростовщик намекает на то, что нельзя продавать святость: «...лучше бы ризу снять, а образ унесите; а то образ все-таки как-то того» (24, 8). Когда Кроткая спрашивает, не запрещено ли ему принимать иконы, он успокаивает ее на этот счет, но все-таки ему как-то неловко принимать икону под залог, и он ставит ее среди своих собственных икон, предлагая девушке больше денег, чем икона на самом деле стоит. Кроткая настаивает на том, что она возьмет лишь половину предлагаемой суммы, заявив, что непременно выкупит ее.

Итак, эмблема Кроткой, символизирующая душевную чистоту и семейные ценности, поставлена среди домашних икон ростовщика, и с этого момента он начинает наводить о девушке справки. Икона, принесенная ростовщику в залог, становится залогом более личных отношений, но он окажется не способным сберечь те ценности, которые она собой представляет. Кроткая совершит самоубийство, взяв свою икону с собой на смерть, и тем самым наводит на мысль, что выкуп ее же эмблемы с заложенными ценностями может разрешить лишь ее смерть.

Этот *выкуп*, в трактовке Достоевского, полон религиозного значения. Но выкуп — не искупление, и по православному вероучению самоубийство относится к числу тяжких грехов. Церковь не отпевает самоубийц.⁸ В этом смысле самоубийство Кроткой с иконой в руках как бы оказывается противорелигиозным актом. Оно напоминает смерть Катерины в пьесе А. Н. Островского «Гроза»: Катерина тоже сознает религиозный запрет, возбраняющий самоубийство, но, как и Кроткая, оказывается не в силах противостоять ему: она также бросается вниз с высоты. Пьеса Островского, как и рассказ Достоевского, заканчивается горькими излияниями обезумевшего мужа.

С точки зрения православной церкви и смерть самой Борисовой едва ли можно назвать «кроткой» (выражение Достоевского). Самоубийство с иконой в руках напоминает скорее бунт — это как бы

⁷ В Дрездене Анну Григорьевну (как и мужа) особенно поразила Сикстинская мадонна — «Богоматерь с младенцем на руках» (Там же. С. 149).

⁸ См., например, слова старца Зосимы: «Но горе самим истребившим себя на земле, горе самоубийцам! Мыслью, что уже несчастнее сих и не может быть никого. Грех, рекут нам, о сих Бога молить, и церковь наружно их как бы и отвергает, но мыслью в тайне души моей, что можно бы и за сих помолиться» (14, 293).

явный вызов учению церкви. Известно, что раскольники предавались массовому самосожжению с молитвой и с иконами в руках. Конечно, в статье «Два самоубийства» Достоевский употребляет слово «кроткая» с целью подчеркнуть разницу между самоубийством дочери Герцена и смертью Борисовой. Однако в рассказе прилагательное переносится с действия на лицо, его совершающее.⁹ Тем не менее с православной точки зрения прилагательное «кроткое», определяющее самоубийство Борисовой, является проблематичным; не менее проблематичным оказывается перенесение его на лицо, совершающее это преступление. Катерину Островского справедливо можно считать «кроткой» (хотя не без бунтарских вспышек), но, в отличие от Катерины, Кроткая Достоевского проявляет характер более строптивый — Кроткая постоянно бунтует.¹⁰ Она сознательно нарушает деловые правила мужа (отказывается от посещения театра; идет на свидание с посторонним мужчиной; чуть ли не стреляет в мужа). Последним актом бунта является самоубийство.

На самом деле изначально ростовщика привлекает ее независимый, гордый и непокорный характер. Он вспоминает, как она принесла остатки старой заячьей куцавейки, а он усмехнулся, глядя на эти вещи.¹¹ Ее реакция на усмешку имела свои последствия: «Тут-то я и заметил ее в первый раз *особенно* и подумал что-то о ней в этом роде, то есть именно что-то в особенном роде» (24, 7). Даже тогда он увидел в ее поведении «бунт», и когда она возвращается во второй раз, он подчеркивает, что дает два рубля за сигарный мундштук только *для нее*: «Я понял, что уколол. А когда она уже вышла, вдруг спросил себя: так неужели же это торжество над ней стоит двух рублей?» (Там же). Итак, с самого начала он смотрит на развивающиеся между ними отношения в свете поединка, «бунта» и «торжества» и даже дуэли. Уже после предложения руки служанка ее Лукерья предупреждает ростовщика, что ее хозяйка гордая. Он, по-видимому, рад этому: «Ну, гордая! Я, дескать, сам люблю горденьких. Гордые особенно хороши, когда... ну, когда уж не сомневаешься в своем над ними могуществе, а?» (24, 12).

Из всего этого явствует, что ростовщика его будущая невеста привлекает не тем, что она «кроткая», а тем, что она горда, независима и способна на бунт. Конечно, не надо упускать из виду, что мы смотрим на героиню только глазами ростовщика — она лишь *по его мнению* «кроткая», и он хочет ее видеть таковой. Даже тогда, когда она поступает вопреки его воле, он утверждает законность своей точки зрения: «...я имею право смотреть на жизнь *моими* глазами...». Она отвечает тем, что топает на него ногами, вызывая у него замечание: «...это был зверь, это был припадок, это был зверь в припадке» (24,

⁹ На самом деле Достоевский также употребляет прилагательное «кроткая» и по отношению к самой Борисовой во фразе «эта кроткая, истребившая себя душа» (23, 146).

¹⁰ Были такие бунты и у Анны Григорьевны. Особенный интерес (в контексте «Кроткой») представляет ее защита перед мужем «женского вопроса». См.: *Достоевская А. Г. Воспоминания*. С. 153.

¹¹ Анна Григорьевна приписывает «первую супружескую ссору» замечанию мужа о ее «дурных перчатках» (Там же. С. 146).

17). Эпитет «кроткая» выражает представление ростовщика о том, какой должна быть его жена, а не какая она есть на самом деле. Его система не что иное как укрощение — укрощение «зверя», хотя бы и «в припадке».¹²

Принцип, которого он сам старается придерживаться, это — строгость. Итак, мы свидетели борьбы двух прилагательных: «строгий» вызывает на дуэль «кроткую». Но если «строгий» является эпитетом ростовщика, надо также иметь в виду, что это лишь его мнение о себе и о своем поведении, а в действительности за этим фасадом скрывается морально уязвимый человек, не умеющий выдержать свою «строгость». В момент его высочайшей слабости она, как ему кажется, уже присвоила его же эпитет: «Она опять вздрогнула и отшатнулась в сильном испуге, глядя на мое лицо, но вдруг — *строгое удивление* выразилось в глазах ее. Да, удивление, и *строгое*. Она смотрела на меня большими глазами. Эта строгость, это строгое удивление разом так и размозжили меня: „Так тебе еще любви? любви?“ — как будто спросилось вдруг в этом удивлении, хоть она и молчала» (24, 28). Итак, удивление Кроткой относится к любви, но почему оно именно «строгое»? Фраза «строгое удивление», выделенная в тексте курсивом, не раз встречается в черновиках. По-видимому, она имеет ключевое значение для рассказа. Сам ростовщик повторяет ее, когда, муча себя впоследствии, он спрашивает себя, не презирает ли жена его на самом деле: «Я в высшей степени был уверен в противном до самой той минуты, когда она поглядела на меня тогда *с строгим удивлением*. *С строгим* именно. Тут-то я сразу и понял, что она презирает меня. Понял безвозвратно, навеки!» (24, 34). «Строгое удивление» жены обессиливает его, обнаруживая всю его уязвимость: она присвоила его же эпитет, и их роли переменялись. Он говорит, что хочет быть ее собакой (24, 28) и целует ее ноги — те ноги, которые незадолго до этого топали на него в негодовании.¹³

Его стремление к «строгости» убило в ней любовь к нему, но он все это время только хотел добиться ее любви, возвращая в ней то уважение к себе, которое, как ему казалось, он потерял в глазах других. Подобно «подпольному человеку», он может представить себе отношение к другим лишь в крайностях: или господство, или унижение. Так же как и «подпольный», ростовщик тоже считает себя искалеченным условиями ранней своей жизни: «О, меня не любили никогда даже в школе. Меня всегда и везде не любили» (24, 23). Как настоящий дуэлист-Печорин, он обвиняет других за их молчание и презрение: «Вы отвергли меня, вы, люди то есть, вы прогнали меня с презритель-

¹² В этом отношении небезынтересен пример, приведенный В. И. Далем в «Толковом словаре»: «Жених пожимает невесте за столом ноги и руки, чтобы она кротка была». См.: *Даль Вл.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994. Т. 2. С. 199.

¹³ Были и такие моменты самоунижения самого Достоевского перед женой: «Аня, я лежу у ног твоих, и целую их, и знаю, что ты имеешь полное право презирать меня, а стало быть, и подумать: „Он опять играть будет“» (29₁, 198). См. также: *Достоевская А. Г.* Воспоминания. С. 163.

ным молчанием. На мой страстный порыв к вам вы ответили мне обидой на всю мою жизнь» (24, 16).¹⁴

Кроткая, несмотря на жизненную неопытность, сразу видит, в чем дело. При первых встречах, когда он косвенно намекает на свою незавидную участь, она замечает: «Вы мстите обществу? Да?». На это он реагирует только тем, что скрывается за литературной маской, применяя к себе слова Мефистофеля из «Фауста» Гете: «Я — я есмь часть той части целого, которая хочет делать зло, а творит добро...» (24, 9). Даже возлюбленная им «строгость» намекает на литературные истоки: это любимая фраза «значительного лица» гоголевской «Шинели».¹⁵ Попытки ростовщика господствовать над Кроткой основаны на лжестрогости с литературными оттенками и на молчании, с которым, как ему кажется, общество относится к нему самому, — молчанию, которое легко можно принять за презрение. Ростовщик, как и Акакий Акакиевич в гоголевской повести, тоже уничтожен фразой, фразой, в которой отражается его же чувство личной обиды перед жизнью, равно как и защита от нее, — *презрение* и *строгость*. Он уничтожен «строгим удивлением» Кроткой — значительным сочетанием слов, в которых отрицаются его стратегия любви, его представления о путях к женскому сердцу.

И все-таки к концу рассказа он находит другую, истинную формулу человеческих отношений: «„Люди, любите друг друга“ — кто это сказал? чей это завет?» (24, 35). Это завет Иисуса Христа, и нравоучение, заключенное в этом мрачном рассказе, предвосхищает вопрос, поставленный Достоевским в «Речи о Пушкине»: «А разве может человек основать свое счастье на несчастье другого? Счастье не в одних только наслаждениях любви, а и в высшей гармонии духа» (26, 142).

Можно предполагать, что бывший офицер Достоевский, претерпевший опалу и общественное презрение и впоследствии нечаянно мучивший молодую жену, как и герой рассказа, сам пришел к этому заключению *рядом воспоминаний, ведущих к правде*, к той правде, которая, по словам ростовщика, «неотразимо возвышает его ум и сердце» (24, 5).

¹⁴ Ср.: Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени («Журнал Печорина» 3 июня); «Записки из подполья» (5, 124, 133—134, 135—136, 175).

¹⁵ См.: 24, 390.